

Наталья Партолина

Поэт. Живет в Витебске. О себе рассказывает так: «Званий нет, книг нет, публикаций нет (хотя вру, одна есть). Ничего не член. Планета Шелезяка населена роботами. Просто пишу стихи. Точнее, не пишу — они приходят. Как правило, сами, откуда-то, одномоментно и целиком. Иногда я сомневаюсь, что это мои стихи — может, кто-то их "надиктовывает"? Привет эзотерикам... Но, с другой стороны, — они же все про меня. Даже если кажется, что это совсем другая история... А еще у меня есть Собакорон и Котофедька. Но это и правда совсем другая история».

Шорт-лист литературного конкурса «Поэтический дебют» (журнал «Аврора», 2023).

Паровоз из Ромашково

Юродивый

— Люди, они, брат, добрые...
Если их понимать...
Будем ходить мы с торбою,
Будут нам хлеб давать.
Рыбы научат плавать, а
Птицы — летать и петь.
Люди, они, брат, слабые...
Если недосмотреть...
С крыши до неба ближе ведь —
Так говорят коты.
Выживем, малый, выживем —
Птица, кот, я и ты.
Мир, он большой, заботливый,
Теплый он, как очаг...

— Что ты несешь, юродивый?

— Ангела на руках...

— Вот, дурачина, выдумал!

— Я от реки сейчас.

Их утопили выводок...

Вот... одного лишь спас...

Про дурачка

Посадили дурачка на лошадку, заплели лошадке ленточки в гриву, и поехал он — ни валко ни шатко — по дороге, по полям, над обрывом. Едет, едет дурачок мимо леса, мимо мшистого живого болота, да вздыхает: «Повстречать бы принцессу, только жабу целовать неохота». Едет, едет дурачок мимо речки, мимо плесов и рыбацких селений, да вздыхает: «Мне домой бы, на печку... что-то скушно мне без матушки-лени». Едет, едет дурачок мимо замка, мимо рыцарей, шутов и служанок, да вздыхает: «Снова встал спозаранку... Никому меня, бедняжку, не жалко». Едет, едет дурачок мимо жизни, на чужие страсти смотрит сквозь стекла, то вздохнет, то удивленно присвистнет.

А лошадка вдруг упала да сдохла.

Паровоз из Ромашково

Паровоз из Ромашково больше не опоздает. У него в кабине уютится синичья стая. У него бока ржавеют, ржавеет крыша, у него был норов — да как-то по капле вышел. И его колеса в рельсы врастают тихо, а за лесом — поле, а в поле жужжит гречиха спелым гулом пчелиным, теплым медвяным гудом. Паровоз из Ромашково больше не верит в чудо. Опоздавших не возит ни к ландышам, ни к рассветам. Обтекают его по касательной весны, лета, зимы мимо идут, осеняет ветрами осень. Из Березок в Ромашково он никого не возит, да и нету уже этих ламповых милых станций. Паровоз из Ромашково очень хотел остаться там, где каждый рассвет — волшебство, сказка, песня, диво, но пришлось вырастать, становиться локомотивом и из точек «А» в точки «Б» доставлять такое, от чего до сих пор по ночам дизель тихо ноет — вереницы цистерн, где

смерть в темноте плескалась, под брезентом — пушки с холодным и злым оскалом, звонкий лес строевой, коней вороных и чалых...

И солдат, которые больше не возвращались.

Ни домой, ни в поле, ни в парк, где аттракционы... Паровоз из Ромашково помнит их поименно. Поименно помнит, узнал бы в лицо — да нет их. Лишь в разбитых окнах мелькают обрывки смеха, да в вагонах ржавых тесно воспоминаньям...

И уже привык он к медленному закланью.

Но приходят лис, два волка, ворона, жаба и заводят песню — как по стеклу ножами. И несется по небу кто-то большой и грозный — желтым диском Луны, фарой Первого Паровоза. И, услышав его, замолкают в кабине птицы, осыпается ржа, и мотор начинает биться. Желтый диск все ближе, вот он — золотое море, паровоз из Ромашково делает вдох и тонет.

Он проснется в руке у мальчишки, а сам — с ладошку. Он увидит окно, телевизор, рюкзак и кошку и поймет: настала пора начинать сначала, с птиц, цветов и рассвета, что на причале нужно встретить, пока на жизнь мы не опоздали.

Под подушкой у мальчика — две боевых медали.

Мария Жаринова

Поэт, психолог, 34 года. Живет в Москве. Участница поэтических региональных семинаров АСПИ, СМЛ, Фонда «Глубинка». Любимые поэты — Есенин и Рождественский. Шорт-лист литературного конкурса «Поэтический дебют» (2023).

Мы взрослеем, озираясь, понарошку

* * *

Сероглазый мальчишка — это не штамп, а росчерк пера,
Помню свою непрошедшую юность так, словно было это вчера.
Щурясь от солнца, закрываясь рукой от слепого дождя,
Ты еще не знаешь мантры волшебной: ты — это ты,
Я — это я.
Сколько она уберегла — неизвестно. Я не из их числа.
Юность моя, пусть беспокойная, страшная, все же была.
Тенью в снах промелькни, и неважно, сколько прошло уже лет.
Сероглазый мальчишка — это в душу запавший сонет
О том, как да — это да,
А нет — это нет.

* * *

Мы взрослеем, озираясь, понарошку,
Словно против детства восстаем.
Словно в книге жизни понемножку
Про себя читаем
То, зачем пришли —
И когда уйдем.
Не куда — знаем, что в неведомую тишь,
А когда — отсчитываем вехи.

Мама!
Что с тобой? Ты как будто спишь...
Кто латать мне будет
На душе прорехи?
Мы мудреем осторожно и вполсилы,
Будто б — это детство отдалить.
Словно жизнь некстати нас спросила:
Только потеряв,
Можем полюбить?
Нет, не только, никогда, ты слышишь?
Не считай мои годы и версты.
Отдаляя детство, мы к нему все ближе,
Старшие уходят,
Старший — это ты.
Мы взрослеем, озираясь, понарошку,
Словно против жизни восстаем.
То, зачем пришли, — ближе к нам
Немножко.
Может быть, однажды
Полностью придем.

* * *

Здесь сегодня как будто едва пахнет Питером,
Вместо казенных столичных букв — строгие литеры,
Вместо закованной в китайские латы речушки Москвы
Вижу в изгибах ее тень горделивой Невы, но увы...
Падает небо не по-столичному низко, стынет мой чай,
В лицах прохожих я отыщу то лицеиста, то Петра невзначай,
Здесь сегодня как будто бы неистово пахнет тобой,
Город северный, веками проверенный. Веселой гурьбой
Сыплет на проспекты твои детвора, попадая на край
Российской империи. И я вижу — Медный всадник доволен,
На Пречистенке благозвучный перезвон колоколен
Вдруг прервал твой набат на кровавом Марсовом поле,
Возрождайся и умирай,
Мой седой адмирал-Петербург, да посватайся к купчихе-столице,
Мы же тоже не какие-нибудь провинции жители,
А промышленники да торговцы, словом, важные птицы.
Здесь сегодня как будто бы неистово пахнет Москвой,
Тень двух Петров промелькнула в один миг над Невой,

Поезд мчит меня по дороге времен. Небо падает ввысь,
Питер хмур по-московски. Гордый царь, улыбнись...

* * *

Невеселых мыслей складчина.
Не-мальтийский город — Гатчина.
О зубцы безликих стен
Рвется неба гобелен.

Плац безмолвствует досадно,
Дрожь умолкла барабанов,
В лоскутах не-летнего тумана
Беззащитно, безотрадно

На балконе промелькнет — как по часам
Он — умеющий любить.
И нелюбимый сам.

Город скрестит улиц шпаги,
И невидимые флаги
Высоко взметнутся — к Богу,
Чтобы вспомнил он —
Сюда дорогу.

Андрей Бондаренко

Родился, вырос и живет в г. Клинцы Брянской области. Окончил филологический факультет БГУ им. Петровского, работал журналистом. Руководитель ЛитО «Люди весны», организатор литературного слета «Черничный джем» (Клинцы), куратор фестиваля «Всемпоззии». Член Союза литераторов России. Лауреат и дипломант Всероссийского фестиваля мелодекламации «Петербургский Ангел».

Шорт-лист литературного конкурса «Поэтический дебют» (2023).

Зимой не жалко умирать

42.

Когда температура около сорока
по шкале шведа Цельсия,
тебе (в детском весе) ка-
жется, что простыня потолка
волнится, мнется, и вот-вот
под действием
(пре)восходящей силы завеса падет,
порвется надвое,
и в радиевом
сиянии за ней
проглянет хоть краешек истинного...
Но нет.
Лежишь, расхристанный
ребенок скольких-то лет.

Потолок и стены,
как в кукольных декорациях, непоразмерные,
кажется, если ногу
пошевелить — сваятся,
но нет сил даже пальцем,
и они скрипят дальше,
теряя параллелепипедную прямоугольность,
выворачиваясь из меня,
если угодно,
пока °C на ртутнике становится в «целься!»
И где-то в вороненом центре воронки,
за моей гранью,
по ту сторону воспалительного процесса,
за обрезом пленки, за пределом понимания
настойчивый голос читает верлибр
то ли на шведском, на птичьем либо,
тяжело и гладко
собирая слова
в столбик, растущий как ртуть градусника.
Около сорока, максимум — сорок два,
дальше не измеряется.
Сорок два.
Исполняется в январе,
и так трудно поверить,
что от простуженного мальчика,
угольками глаз замеряющего осколки магии,
меня отделяет только скомканная бумага
потолка.

Элегия

Мирре Лохвицкой

Я думал умереть зимой,
Когда в лицо метет и свищет,
И человек здесь точно лишний,
И человек здесь точно свой.

И привыкать к земле легко —
Она тебя еще не хочет,

Ворчит и камнями ворочит
И засыпает глубоко.

С ней будешь холоден и прост,
Как гробок после поллитры,
Как пес покойника, забытый
И выставленный на мороз:

Спит у знакомого крыльца
И вовсе ничего не просит,
Он тоже скоро станет костью.
А дом проснется в леденцах

Едва к заутреней весне,
Под запахи воды и птичьей
Базарные смешные стычки.
Но я умру зимой. И снег

Все разровняет, как асфальт
Под каменным катком метели.
Зимой не жалко бросить тело.
Зимой не жалко умирать.

Анна Силина

Живет в Ялте. Пишет стихи с 2017 года. Создатель поэтического проекта LYNES — синтеза поэзии и фотографии, музыки и изобразительного искусства. Финалист международного поэтического фестиваля «Всемпоззии-2023», победитель IX Республиканского молодежного фестиваля «Прошу слова».

Шорт-лист литературного конкурса «Поэтический дебют» (2023).

Кукла и Мастер

* * *

Не напешься, да не надышишься, сколько б ни было — все в обрез. Тут написано, там услышано — так слова обретают вес. Оседают в груди трепещущей, шьют навывлет, ласкают, бьют. Нити тонкие юной нежности устремляются к сентябрю.

Нити красные, руки белые, улыбается кукловод: как искусно игрушка сделана, как прекрасно она поет! Пальцы ловкие зашевелиятся, раз — и кукла танцует вновь, в небо тянется, птицей стелется ради горсточки теплых слов.

Зачарована его именем и зависима от тепла. Повинуясь незримым линиям, в их сплетении она жила. Переменчиво натяжение — то ослабнет, то вдруг сильно. Стала мастера отражением, с ним взлетала и шла на дно.

Каждый вечер плясала-маялась, дивный сказочный талисман. Дар фортуны неиссякаемый, вечно полон его карман. Поговаривать стали разное, но до сплетен им дела нет: кукла счастье дарила мастеру, он любил же ее в ответ.

Но однажды игра наскучила. На пороге осенних дней так творенье творца измучило, что не рад был он больше ей. В дальний угол закинул куколку. Две недели пустой причал. Необдуманною разлукою бог предательство обличал.

Чертыхался со страшной силою, проклиная судьбу и злясь. Мысли черные, импульсивные — уничтожить больную связь. Нити хрупкие, нож безжалостен. словно под руку кто шепнул...

От внезапной бессильной ярости он об стену ее швырнул.

Догорают обрезки красного, кукла сломана, мастер пьян. Хоть и писаны судьбы разными, время в каждом найдет изъян. Очень скоро народ зашепчется: видно, дьявол его сгубил. Но по правде — в припадке бешенства он сломал свой источник сил.

Не исправить да не наладится, что ни дай теперь — все пустяк. То не мелкая неурядица, не залечится просто так. А на сердце навеки выточен отпечаток от мудрых слов: не привязывай к пальцам ниточки, коль к любви еще не готов.

Перемены без уроков

мотыльки начинают разучивать новый вальс
/шаг налево — направо — вращение — смена поз/
их всеобщий партнер искрометен и красноглаз
безрассудства и ярости истинный виртуоз

тонкокрылая нежность
изменчивое тепло
обжигающий
резкий
безжалостно-яркий свет
кто казался ужасным —
вдруг вовсе не так уж плох,
если льдистую вечность в минуту сумел согреть

что с того, что с рассветом рассеется морок тьмы
и усыпан окажется пол
угольками тел?
мотыльку лучше пеплом холодный паркет омыть,
чем хотя б на мгновение снизить
опасный
темп

из войны дети света не смогут извлечь урок,
на любовных фронтах
не предвидится
перемен

в ритме счастья летит каждый следующий мотылек —
вслед им,
лихо танцую по кругу,
смеется смерть.

В последний раз

в твои руки вверяю я жизнь свою.

будь что будет теперь:
выгорю, прогорю,
воспылаю назло смертям, которые нас избрали —

бесконечно бессмысленной стала борьба с собою,
и я вновь сдаю крепость,
/почти без боя/,
и цветами усеяно поле любовной брани.

вот архивы того, что так долго считал неважным:
дать немного воды умирающему от жажды,
подарить две буханки хлеба
взамен одной.
город мой замерзал под твоей осадой,
мчался поезд по кругу без пересадок,
но душа оставалась всецело полна тобой.

наконец ты, играя, пришел к роковой развилке.
принимай меня в дар или скромно верни посылку —
каждый путь предстает фатальным,
но есть нюанс.

выпуская из клетки
любовь мою — принадлежность,
вопреки холодам позволяю себе надежду
и снимаю запрет на веру.

в последний раз.

Светлана Дильдина

Поэт. Живет в Самаре, стихи пишет много лет. В ЛитО никогда не состояла.

Шорт-лист литературного конкурса «Поэтический дебют» (2023).

Я тепло сохраню до будущих летних дней

* * *

Если ты охоч до путешествий, я помочь, Ванюша, буду рада:
вот тебе клубочек волчьей шерсти. Волку даже совесть не преграда.
Ждут тебя три царства. Одолеешь дальнюю дорогу без подмоги?
Много смелых было. Дуралеи тоже востроглазы, быстроноги.
Предо мной и латник будто голый, толку с новомодного эрзаца!
Люди кличут Бабою Ягою. Стоит ли на глупых обижаться?
Все ко мне идут: когда устали, коль тоска заела, при измене...
...В Медном царстве, Ваня, птичьи стаи; клювы, когти, крылья —
прям из меди.
Ссорятся, враждуют, небо делят, и не облака там — поле брани.
Как пойдешь, смотри, чтоб не задело — сверху-то оно вернее ранит.
А еще письмом тебя помянут, мол, минута отдыха настала...
Нет, Ванюша. В этой глухомани только птицы рыжего металла.
...Стрелкой часовую — ось земная. Кивер, сабля — гостем будешь
званным.
Двигаю маршем, устали не зная, обживайся в царстве Оловянном.
Раз и два, веселый и поддатый, бравой песней закрывая уши...
В царстве Оловянном — все солдаты. Послужи и ты чуток, Ванюша.
Смерть порой откручивает жало, чтобы заточить его острее;
Коли не убьют, тогда пожалуй дальше — по земле, не в Эмпирии.

Двинется клубочек серым лесом; семена созрели и повисли...
Третье царство будет из железа, а про семена ты сам домысли.
...Лижет кот из блюдечка сметану, как клубок, тугой и аккуратный...
Я тебе предсказывать не стану — сам поймешь, когда пора обратно.
Ближих понапрасну не тревожь ты. Пусть им спится позднею порою.
Я, Ванюша, дверь. Когда вернешься, постучи, тотчас тебе открою.
Стол накрою, сядем, чин по чину. Вот настойка крепкая, хмельная.
Там, снаружи, голосом грачиным о себе весна напоминает.

* * *

Был небосвод огнем обварен, а ноги в иле;
В ковчег входили парой твари, а нас забыли.

А мы смотрели, ощущая себя двояко —
Вот сходни подняли; качаясь, поднялся якорь...

Не допроситься, сколь ни требуй, зерна у стали:
Уплыл ковчег, разверзлось небо — а мы остались.

И не погибли отчего-то, а ведь могли бы.
И долго-долго, лет без счета, мы были — рыбы.

Растили, чтоб не бить баклуши, медуз домашних...
Потом вода вернула сушу, дома и пашни.

Быть перестала в абсолюте, легла у борта —
И в города вернулись люди, а в жизнь — заботы.

Огонь во все цвета окрашен, дома в металле...
Мы побывали там, где раньше и не мечтали.

Но в солнце, лад, среди весны — и тоска сигналист.
«Чего нейметя вам, смешные?» — а мы не знали.

Искать жемчужины средь града — немного толка.
Ведь все прекрасно, все, как надо — но если б только...

Не суть, кого дадут в соседи — оленя, льва ли —
чтоб нас позвали плыть со всеми... Чтоб нас позвали.

Перевод с языка травы

Накрывает время, сглаживает волна
и следы муравьев, и шумерские письмена;
но слышной голос тлена, бархатен и гнусав,
и над ним — травы бесчисленной голоса.
Говорят: было тело. Чашку брала рука.
А теперь темнота вокруг, и века, века.
И, бродя по стезе исхоженной, взаперти,
Эвридики с Харонами сталкиваются в пути.
...Как ни бейся — скрипя кузнечиком, ветром взыв —
трудно мертвым заговорить языком живых.
Но старательно, как рождает нить шелкопряд,
все качают травинками, день и ночь говорят.

* * *

Нам, жукам и стрекозам, выставленным в стекле,
ближе к осени шепчет голос — ясней, верней:
«Приходите, уже заждался медовый лес,
летний свет запасая в мощной сети корней.
Там пока еще каждый листик речист и цел,
и орехов собрали белки едва ли треть.
И выходит король оленей в резном венце,
вызывая на бой все должное умереть.
Вот туман над ручьем качнулся, запарусил;
вот из струек ручей плетет серебристый жгут...
И кружится по мху и листьям король лисиц,
буйство красок лесных глаза его берегут».
Зов звенит, огибая карму и нити Мойр;
каждый станет на миг отважен и быстроглаз...
Мы всецело одни пред осенью и зимой,
потому ли весной и летом так много нас?
Наши тени в стекле — но, прошлое не предав,
слышим голос, и он час от часу все сильней:
«Я — земля, и ее семена, и ее вода.
Я тепло сохраню до будущих летних дней».

Ольга Алейникова

Родилась в 1956 г. в Москве, живет там же. Окончила экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Работала по основной специальности в научной сфере, а также в качестве тренера и спортивного судьи в танцевальном спорте. Была призером Чемпионата СССР по спортивным бальным танцам. Стихи пишет шесть лет. Победитель в номинации «Дебют» Национальной литературной премии «Поэт года» (2020), лауреат II степени Международной поэтической премии «Образ» (2020) и конкурса «Классики и современники» (2021–2022), лауреат Международного конкурса «Национальная литературная премия "Золотое перо Руси"» в номинации «Поэзия» (2022).
Шорт-лист литературного конкурса «Поэтический дебют» (2023).

Если...

Райская птица

Черная, горбатая, хромая,
Гонора вороньего полна,
Изгнана пернатая из рая,
На земную жизнь обречена.

Было время, в дивном оперенье,
Ангельские слыша голоса,
Пестрая ворона, как виденье,
Украшала райские леса.

Нимб из перьев плыл над головою.
Наяву, как в басне, хороша!
Может быть, задумана иною
И моя нескладная душа?

Может, сердце глухо, ум не зоркий
И души ленивой голос тих?
Может, доброты моей осколки
Только лишь царапают других?

Если б оставалось хоть немного
Святости в душе моей на дне,
Я могла бы вымолить у Бога
Долгой жизни павшим на войне.

Мы тогда ни с кем бы не делили
Выход к морю, к полю и к реке,
А враги друг с другом говорили
На одном, на райском языке.

Но теперь, в уродливом обличье,
Мне с вороной, будто сироте,
Суждено по-женски и по-птичьи
О нездешней грезить красоте.

Из куска засохшего батона
Ухватив с помойки бутерброд,
Смотрит озадаченно ворона:
Ни людей, ни птиц не узнает.

Если...

Если не в твоей сегодня власти
Промолчать, родной заметив след,
Если хочешь рассказать о счастье,
Значит, вновь расскажешь про рассвет.

Черных дней глухую вереницу
На мгновенья мелкие порви.
Если хочешь горем поделиться,
Все равно расскажешь — о любви.

Если разучился в мельтешенье
Различать, где правда и где ложь,
Тайну человеческих отношений
Лишь в уединении поймешь.

Хмурый день к тебе благоволит ли?
Значит, бунт в душе твоей затих.
Если Бог внимал твоей молитве,
Значит, ты молился за других.

Под низким солнцем

Журавли собираются в стаю,
Рассказав голосами больными,
Как тоскуют они, улетаая
От полей, недолюбленных ими.

Снова мифу поверили птицы,
Что любовь оживет лишь весною.
Но любви не дано прекратиться
На земле, недолюбленной мною.

Здесь под низким доверчивым солнцем
Тает время, судьбу вычитая.
Здесь дорога не мчится, а вьется
И пылит, потому что живая.

Вместе с солнцем бегущие тени
То ли радуют, то ли печалят.
Сердце столько вместить не сумеет
И болит, потому что вмещает.